

Пролог

Много тысяч лет назад обитатели планеты Хинесс правили Галактикой. Хнейцы переделывали миры и вершили судьбы народов. В числе прочего, они выбрали обреченную на вымирание расу на планете Терай и переселили ее на соседнюю планету Эя. Хнейцы научили своих подопечных наукам, показали, как поддерживать жизнь в холодной пустыне. А потом они вдруг исчезли. Никто не знал почему. Все, что осталось от их былой славы - странные развалины на планетах и в открытом космосе. Жители Эйи одичали, их климатические установки сломались, и они вынуждены были уйти в подземелья.

Никто не знал, как хнейцы выглядели, не говоря уж о том, о чем они мечтали, во что верили, чего боялись. Где находилась их родная планета - и то было неизвестно до поры.

Год 1521. Начало кольца

*Я брел от полярных бесплодных равнин,
Был северный волк мой попутчик один,
Мой спутник второй был могучий орел,
Что тайными тропами в горы нас вел.
Угрюмый Король шел лесами со мной,
Он правил сожженной испанцем страной.
Я был молчалив, да и он не болтун,
Без войск полководец, без силы - колдун.*

Необъяснимое беспокойство овладело волчьей стаей. Животные принюхивались, оглядывались, но никак не могли найти источника приглушенного гула. К гулу присоединился треск, потом рокот. Звуки надвигались со всех сторон, и земля вибрировала им в такт. И вдруг все оборвалось. На каменистую землю из ниоткуда упал человек.

Было холодно. Насколько хватало глаз простиралась унылая, плоская равнина, чуть-чуть подсвеченная ранней зарей. Майкл привстал. Долгий, леденящий душу вой десятков голодных хищников, рыскавших вокруг, потом еще и еще. Память предков шептала: “Беги!”. Но молодой человек не поддался этому слабому голосу. Он поднял лицо к бледнеющим в преддверии дня звездам. Их рисунок был знаком.

Путь Майкла, оборвавшись на другом конце Галактики, лежал теперь где-то в бесплодных полярных равнинах родной планеты людей, Терая, а там, на востоке, вот-вот должно было взойти желтое солнце Зорис.

Майкл был высок и худощав, у него было узкое бледное лицо и глаза, в которых переливались, как свет и тень, то внешняя волчья холодность и отчужденность, то внутренняя затаенная грусть. Он был молод и зол, он нес в себе Дар равносильный проклятию; мечта о мести и жалость к себе снедали его. Прошное стегало, гнало Майкла вперед, а в будущем он видел только мрак...

Волки подступали со всех сторон. Огромный вожак приблизился первым, ощерился, приготовился к прыжку. Майкл заглянул в глаза хищника. Почуввав неладное, волк

завизжал, как щенок, и отступил. Остальные тоже не тронули путника. А он пошел на юг и, по мере того, как день за днем равнины сменялись горами, горы - пустынями, реки впадали в большие реки, а леса уступали место степям, Майкл осознавал, что еще не родился. Не было и жестокой Двадцатилетней войны, равно как и многих других войн. Терай спал в глубине веков, и красный глаз Эйи, тлевший в ночном небе, был пока всего лишь пустой угрозой его сну.

Машина давно сгинувших хнейцев забросила его далеко. Пятнадцатый или шестнадцатый век. Меньший из двух северных континентов Терая. Стоило ли искать путей назад? Для всех он погиб - и это уже была месть сама по себе! Он мог бы построить хижину на опушке у реки и жить охотой, или же стать вождем туземного племени, покорять соседей и сердца добрых скво. Однако, оставшись в этом времени, Майкл никогда не узнает, кто он и зачем живет на свете. И, более того, проклятие, которое он нес в себе, погубит его даже здесь.

Нужно выбирать. Он невольно усмехнулся. Все, что Майклу было необходимо - хорошая анабиозная камера. Стоило поискать по вигвамам... впрочем, на базе эйан в горах далеко на юге его поиски могли увенчаться успехом. План был слишком рискованным, почти невыполнимым, и это понравилось Майклу.

Много лун спустя один важный пленник, высокий, сильный человек лет двадцати пяти, сидел в окружении отряда испанских солдат. Его руки и ноги были связаны веревками, но, казалось, он не придавал этому никакого значения. Взор пленника был обращен вверх. Небо всегда притягивало его. Казалось, чуть толкнешься ногами - и сорвешься в эту прозрачную бирюзу, чуть припорошенную золотистыми облаками. Небо было вечным напоминанием о самой сокровенной, самой волнующей мечте, которую невозможно выразить словами. Была ли это мысль о дальних неведомых землях, куда неспешно плыли эти утренние облака? Или мечта о свободном полете в воздушном океане? А, может, таким же было небо над его истинным отечеством, которого он не знал? Той единственной землей, где он смог бы обрести покой?

“Сын Богов” для своего народа, “отродье дьявола” для испанцев, пленник обречен был умереть. Не сегодня, так через несколько недель. Отряд конквистадоров шел за ним от самого Теночтитлана, теряя день за днем людей, но не останавливаясь, ибо капитан Диего Альфаро де Гальвес слишком хорошо понимал, что от исхода погони зависит судьба всей Новой Испании. Если враг останется в живых, он соберет силы и снова поднимет мятеж, и так до тех пор, пока не вернется в столицу и не восстановит на этой земле язычество, жертвоприношения и владычество царей-тлаоани.

И вот, вчера войско мятежника было перебито, а сам он посажен под стражу. Он, сам Красный Ягуар - Leon Rojo, как неточно перевели на испанский прозвище индейца, данного в честь некоего фантастического животного-покровителя. Даже среди конквистадоров упорно ходили слухи о том, что Красный Ягуар - не только правитель и военный начальник, но и жрец тайного культа, маг, способный наводить мороки, читать мысли и превращаться в животных. И будто бы не раз до его пленения дозорные видели силуэт огромного черно-красного зверя с пылающими алым огнем глазами и слышали его жуткий вой.

Первые лучи восходящего солнца освещали скалистые низкогорья, встающие со всех сторон над узкой долиной с сухим заваленным камнями руслом. Вдоль него по найденной дороге ехал всадник. Пользуясь недолгой прохладой, его вороной бодро поднимался все выше и выше к вершине холма. Там виднелись розовые в утреннем свете каменные стены города, увенчанные зубцами и украшенные резным орнаментом. Этот мексиканский городок, затерянный в горах, был последним оплотом Красного Ягуара, еще недавно казавшегося испанцам непобедимым.

Майкл, приближаясь к стенам города, оглядывал окрестности цепким взглядом и неплохо был осведомлен о происходивших здесь событиях. В небе кружили силуэты стервятников, чующих добычу. Следы на дороге достаточно говорили о численности и снаряжении

прошедших здесь вчера испанцев, а ржание лошадей за белокаменными стенами не оставляло места для сомнений - город был взят.

Дозорные испанцев тоже заметили всадника. Он был темноволосым, но бледнокожим. Глаза его издали казались черными, на самом же деле они были темно-синие. Необычный цвет глаз придавал холодному, испытующему взгляду странный оттенок.

Одежда путешественника немало удивила испанцев. На нем была рубаха из индейской ткани и кожаные брюки, на ногах - диковинные мокасины, расшитые крашеными иглами дикобраза. Несмотря на вполне европейские, правильные и резкие черты лица, властный облик молодого человека будто бы позаимствовал у туземцев суровость и угрюмость. Из оружия у путника, вероятно, был только самодельный арбалет и, по-видимому, длинный нож - странная серебристая рукоять какого-то оружия виднелась в кожаном чехле на поясе.

Навстречу Майклу из города вышло не менее дюжины человек, и в том числе, капитан де Гальвес.

Перед удивленно и недоверчиво его рассматривающими испанцами, многие из которых были в панцирях, шлемах и при полном вооружении, Майкл спешил и с самым невозмутимым видом подошел к капитану. Слегка склонив в знак приветствия голову, он произнес с легким акцентом:

- Виконт де Бражелон, к вашим услугам.

Так как никто не нашелся, что ему ответить, путник продолжал:

- Полтора года назад я высадился с командой Хуана де Ланды на побережье к северо-востоку от страны мештеков. Вскоре наш небольшой отряд был разбит индейцами, все, кто уцелели, попали в плен. Мне удалось бежать. С тех пор я скитаюсь по этой земле, и вы первые европейцы, с которыми я встретился.

Де Гальвес спросил Майкла на плохом французском, желая хотя бы отчасти проверить слова незнакомца:

- Как назывался корабль, на котором вы прибыли? Когда и из какого порта он отправился в Новый Свет? Сколько человек было в отряде?

Майкл незамедлительно ответил, и ответы, по-видимому, удовлетворили капитана, так как недоверия в его лице поубавилось. А Майкл про себя порадовался, что интересовался в прошлом, то есть в будущем, этим разделом древней истории.

Однако большинство подошедших поглядывало на путника с сомнением. Ведь странное дело: человек столько лиг проделал в одиночку через земли кровожадных дикарей, через край, на который еще не составлены карты и где бродят невиданные в Старом Свете звери, а ведь, в сущности, юнец еще!

Хосе Вальдес, богатырского сложения воин, заметил даже, что молодой человек, наверняка, шпион и должен быть повешен.

Капитан, тем не менее, пригласил “виконта” в здание, где разместились офицеры, предложил ему поесть и одеться, как подобает европейцу. Молодой человек не отказался. Расспросам не было видно конца. Путешественник подробно рассказал о землях, через которые шел и о племенах, с которыми встречался. Все выдавало во “французе” неплохое образование и аристократическое происхождение.

- Что привело вас на борт каравеллы де Ланды? - задал интересовавший его вопрос де Гальвес.

- Поиски богатства, - невозмутимо ответил Майкл. - Я происхожу из древнего, но обедневшего рода и последние средства употребил на учебу. Прослышав про экспедицию де Ланды, я записался в его отряд, так как знаю, что на этой земле можно быстро добиться обогащения, если иметь голову на плечах.

Капитан задумчиво покачал головой. Казалось, он ожидал от молодого человека какого-нибудь другого ответа. Впрочем, это были лишь смутные сомнения: хотя “француз” производил впечатления субъекта решительного и упрямого, но он все же чем-то отличался от отчаянных авантюристов, опьяненных блеском ацтекского золота, к которым принадлежал и сам Диего Альфаро.

Ощущение небывалой мощи, новой, *другой* крови, текущей по жилам, переполняло их. Пение смолкло. Жрецы остановились и с благоговением глядели на камень за спинами посвящаемых - он начал светиться глубоким красным светом. Наконец старший жрец куда-то спешно скрылся, а другой попросил Рию и Эйвери пройти в отдельные комнаты за алтарем. Здесь Эйвери, закутавшись в предложенное ему одеяло, ждал минут двадцать, гадая, что же произошло, ведь церемония Посвящения явно не закончилась. Внезапно дверь открылась, и вошел высокий человек в ржаво-коричневом, цвета пыли, плаще. Он откинул капюшон и оказался благообразного вида терроэйанином средних лет. Незнакомец улыбался.

- Я так рад, так рад! - произнес он.

Эйвери смотрел на него, недоумевая.

- Простите...

- Маркус де Пелеран, - представился мужчина. - Эйвери, я знаю.

Они сели в каменные кресла.

- Что ж, Эйвери, сегодня великий день для тебя, - сказал Маркус. - Камень Древних запрограммирован для выявления людей, наделенных особой психофизической силой - таких, как ты. Слышал ли ты о Белой Рати?

Эйвери вздрогнул. Таинственные, наделенные поистине магической силой витязи, скитающиеся по просторам Вселенной, чтобы сражаться со Злом.

- Да. Но я знаю о Рати только по слухам.

Маркус кивнул.

- Мы не рекламируем себя. Должен сразу попросить тебя не разглашать нашего разговора *ни с кем*.

- Хорошо.

Маркус пристально разглядывал Эйвери.

- Ты уже понял, что я пришел пригласить тебя в Рать. Не торопись с решением - от него зависит вся твоя жизнь, - Маркус, не мигая, смотрел на Эйвери своими изумрудно-зелеными глазами и торжественно продолжал: Если ты вступишь на нашу Тропу, на Дорогу Дорог, я не обещаю тебе ни мира, ни покоя, ни блаженства, ни воздаяний за твои благие дела. Лишь больше и больше испытаний - и сейчас, и в Беспредельности. Таков путь воинов Добра, Белых ратников, бескорыстно избравших служение Разуму. Ибо если одинокий путник в бескрайних просторах Вселенной попадет в беду - мы услышим и придем на помощь. Если Воины Зла, как черные тучи, кружат над незащитными жертвами - мы услышим и придем на помощь.

Маркус говорил долго, веско и горячо. Эйвери нравилось слушать его, слова откликались глубоко в его душе, жаждущей Света.

- Ежели зародился в твоей душе росток сомнения, - продолжал Маркус, - иди с миром и будь счастлив. Никто вовек не скажет, что ты отступник или предатель, но скажут: он мудр, потому, что нашел свое место. Живи, как все и будь полезен, как можешь. Заблуждаются те, кто говорят - лишь один Путь верен. Добро повсюду: и среди эйан, и в учении териев, и у землян, ждущих возвращения Красного Ягуара. Каждому - свой Путь.

Но если ты пойдешь с нами меж звезд, ты увидишь новыми глазами сверкающую россыпь светил и вуаль туманностей, далекие галактики и пропасти черных дыр. Ты услышишь Зов Вселенной. Ты окрепнешь духом и поднимешься над ненавистью и любовью. Огонь Света выжжет в тебе все суетное и принесет подлинное бессмертие. Ты станешь истинным ратником, одним из нас!

Маркус замолчал. Эйвери потрянул головой. "Одним из нас" ... Звучало здорово!

- Я согласен, - выпалил он.

Маркус улыбнулся и пожал Эйвери руку.

- Тебя ждут великие дела, юноша.

После того, как Эйвери начал свое обучение в Рати, у него не было свободного времени видится с Рией. А года через два она пошла в Армию и вовсе пропала.

Еще через земной год небывалая по свирепости война расколола Солнечную Империю. Прослышав, что Император присоединился к териям, эйане и “нейтралы-республиканцы” ополчились на него, а недавние враги властелина, Скитальцы, итаранцы, дакассцы и часть землян стали на его защиту. Все смешалось, брат пошел на брата, а сын - на отца...

Год 2786. Война

*На окраине этого Мира
В глубине непроглядной веков
Он стоял, молодой и счастливый,
Наблюдая полет облаков.
Ему теплый ласкающий ветер
Нашептал про далекую даль,
И забыл обо всем он на свете,
Про заботы свои и печаль.
Он не ведал, что все потеряет,
Даже то, что мечом обретет,
Что предательства яд испытает
И в бесславном сраженьи падет.
Но пока, на окраине Мира,
В глубине непроглядной веков,
Он стоит, молодой и счастливый,
Он мечтает достичь облаков...*

Пара серебристых искорок пронеслись над заснеженным горным хребтом. Сверкнули и исчезли. Холодный разряженный воздух всколыхнул гул моторов легких истребителей: два молодых пилота Республиканской армии возвращались на базу после трудного и опасного задания. Один из них, самоуверенный рубака, высокий широкоплечий человек с простым, немного грубоватым лицом - Тибор Митчелл, насвистывал, предвкушая увольнительные, и весело шурился на рыжее низкое солнце. Густая тень хребта причудливо ложилась на казавшиеся безжизненными серые равнины Берес Фрид.

- Малыш, за мной ящик бисквитов и бутылочка "Нектара", - сказал Тибор пилоту второго истребителя, тихому интеллигенту Эйвери И'Латту. - Если бы ты не подбил того шустряка, гореть бы мне в верхних слоях.

Ответа не последовало.

- Ты не спишь ли часом?

- Тиб, посмотри лучше назад, - отозвался, наконец, Эйвери.

Что-то должно было случиться. Девушка неотрывно следила за алой строчкой, пока та не потухла в лиловом мраке, затем Лина быстро сбежала вниз. Здесь она застала Кинтанари и Беамон. Они негромко беседовали и казались взволнованными.

- Ты видела, - обратив на девушку взгляд своих огромных голубых добрых глаз, констатировала Беамон.

- Какой-то корабль?

- Посланник из Штаба Республиканской Армии, ничего интересного, - ответил Кинтанари.

Как будто каждый день принимали они посланников из внешнего мира.

- Лина, мы с тобой приглашены на Северное плато завтра, - сменила тему Беамон.

Но девушка не могла уже думать о вечных альменских праздниках. Что-то должно было случиться...

Мальчик испуганно смотрел на нее. Из его дрожащей руки выпала фарфоровая чашка, но он как будто и не заметил этого. Казалось, он беззвучно просил о чем-то. Медленно вращаясь в воздухе, чашка падала вниз. Ледяной холод забытого всеми астероида. У Лины перехватило дыхание: это она беспомощно падала, падала, падала... Звон бьющейся посуды – и она проснулась. Что за странный сон!

Утро еще только занималось. Птичий хор, как Лине показалось, звучал необычно: тревожно, что ли? Внезапно раздался негромкий звук типа “кх-кх”. Сначала она подумала, что это одно из тех животных, которых она называла оленями. Но нет, звук повторился, и она поняла, что это не олень. Накинув платье, она выглянула в окно. Сердце опять вздрогнуло в груди, как испуганная птица: внизу, в саду, впервые в жизни Лина увидела... себе подобного, человека. Он был не особенно высок, светловолос, мог бы сойти и за альменца, но Лина знала, что он человек. И не только из-за его странных одежд...

Незнакомец топтался на месте, не решаясь войти в дом. Внезапно он поднял голову и увидел Лину в оконном проеме.

- Извините, не дом ли это Абоэтери? – спросил он на всеобщем языке.

На планете был всего один жилой дом.

- Да... - ответила она, пугаясь звука своего голоса.

Обычно в доме говорили на древнеэйанском.

- Я ищу господина Кинтанари. Надеюсь, я не слишком рано? - незнакомец старался быть предельно вежливым.

- Нет, ночь у нас слишком длинна, чтобы все время спать, - она подумала, что сказала глупость. – Подождите, я спущусь и провожу вас.

Человек выглядел не на много старше Лины, но в ее возрасте разница в несколько стандартных лет делала его “дядей”. Она еще не знала, что люди теперь жили лет двести-триста и из них почти все первые сто пятьдесят не старели.

Незнакомец протянул руку и сказал:

- Эйвери И'Латт.

Лине потребовалось некоторое время, чтобы вспомнить об этом обычае, но, наконец, она сжала его руку, произнеся свое имя, как люди поступали в книгах:

- Лианна Абоэтери. Я видела ваш корабль, - добавила она.

Эйвери кивнул.

- По утрам отец работает у реки, - пояснила Лина, указывая Эйвери нужную тропинку сквозь заросли темно-синих цветов на опушке.

При слове “отец” она уловила искру недоумения в его голубых глазах.

“Неужели и я тоже настолько непохожа на альменку?”

- Приемный отец. Меня удочери Абоэтери, когда мои настоящие родители погибли. Они пытались посадить корабль на планете.

- Я же говорил, что найду их! - Герхарт указал на показания биоискателя. - Так и есть. Три человека. Это группа Танаки, они вышли в маршрут незадолго до взрыва.

Вей напряженно всматривалась в приборы, потом перевела взгляд на обзорный экран:

- Вот они!

Три черные точки двигались по поблескивающей лужами поверхности планеты. Герхарт повел корабль на посадку, и вовремя: топливо было на исходе.

Их действительно было трое, но это была не группа Танаки. Мрачные, грязные, вооруженные до зубов, они никак не походили на археологов. Только один из незнакомцев был человеком. Без защитного шлема, он стоял, скрестив руки на груди, и внимательно рассматривал Вей и Герхарта. Лицо бледное, глаза темно-синие, почти совсем черные. Стоявший справа был огромен и сер, как глыба. Слева - маленький гуманоид с желтой обезьяно-собачьей мордой, скалил острые зубы. "Грабители могил", шарящие по космосу в поисках поживы и не останавливающиеся ни перед чем...

- Кто такие? - глуховато спросил человек.

- Поисковики, со Станции.

- Убирайтесь, откуда пришли, - прошипел коротышка, направляя на них лучемер.

Высокий человек мрачно произнес:

- У них горючие кончились, и катер их потонет через час.

- Так запрем их в катере, Капитан?

Человек поморщился.

В это время Герхарт допустил страшную ошибку: он достал свой легкий бластер.

- Вы нелегально находитесь на этой планете! Сдайте свой корабль, и это послужит смягчающим обстоятельством!

Вей показалось, что зрачки капитана необыкновенно расширились, потом потемнели белки и вот уже на месте глаз сияли два бездонных черных провала, как глазницы черепа.

В тот же миг Герхарт упал замертво в болотную жижу. Корни заспешили к телу. Вей была уверена, что Капитан выстрелил из чего-то, но так быстро и даже толком не глядя на беднягу!

- Не испытывайте удачу, девушка, - проговорил он, обращаясь к Вей.

Человек резко сбросил рукой со лба слипшиеся волосы, и, слегка откинув голову, засмеялся неестественно, коротко и резко. И тут она поняла, что с самого начала так неприятно поразило ее: главарь был слишком молод, лет двадцати, чтобы командовать отрядом матерых разбойников и убийц. Меж тем он держался так, будто занимался этим делом лет сто.

- Пошли, - коротко приказал он.

Солнце здесь вставало быстро, к полудню, обычно, появлялись облака и начинался дождь. Тогда из воды показывались мириады темных корешков, подставляя свои коричневые венчики редким каплям. Как пародия на цветы...

Капитан вдруг стал отставать и плелся где-то сзади. До Вей изредка долетал его кашель и брань. Механик сначала останавливался, поджидая, потом бросил и плелся теперь за Планетологом, принявшим на себя негласное лидерство.

На обеденный привал Капитан пришел минут на пять позже всех и сразу же плюхнулся прямо в лужу.

Вей, которую уже мутило от голода, подошла к коротышке.

- Господин Планетолог, не могли бы вы поделиться со мной своим рационом? Когда мы вернемся, я заплачу...

Коротышка одарил ее злобным взглядом.

- Извините, мадам, но запасы пищи у нас ограничены. Очень ограничены...

- Я поделюсь, - Механик протянул ей пакет.

Поблагодарив, она уселась на кочку в сторонке и принялась есть. Тут Вей заметила, как Капитан быстро достал из своего рюкзака небольшую плоскую бутылку и немного отхлебнул. Посидел немного, закрыв глаза, потом поднялся уже почти веселый.

- Километров тридцать пять по прямой, - объяснил он попутчикам, - и будет озеро. На том берегу, под холмом - там и есть пульт активации ГПА. Пойду, приборы проверю.

Он скрылся в зарослях, а Планетолог тем временем бросился к его рюкзаку и достал ту самую бутылку, решив проверить состав темной гадости, которую постоянно глушил Капитан. И, не выдержав, расхохотался тонко и зло.

- Травяная настойка от кашля! Ну что ж, я дам тебе лекарства покрепче! - и он добавил в бутылку несколько капель.

Заметив взгляд Вей, он недвусмысленно погрозил ей лучемером.

Ей вдруг почему-то стало жаль Капитана. Кто он? Мрачный отщепенец, готовый на все, но не ради власти или денег, а потому что терять ему уже нечего? Что занесло его сюда, в такую даль?

Капитан вернулся и принялся расспрашивать Вей и Станции. Узнав о взрывах, он ничуть не удивился, только сказал остальным:

- Любой всплеск энергии в поле ГПА чреват последствиями. Так что поосторожнее с бластерами теперь, когда мы совсем рядом.

В маленькой каюте было почти темно, горела только синяя ночная лампа на столе. Ее фантастический свет вырывал из мрака лица Эйвери и нерешительно стоявшей у двери Лины. Она смотрела на него, и ей казалось, что не было этих двадцати лет, что они опять на добром старом "Скорпионе" и так будет продолжаться всегда. Эйвери вдруг сделал шаг вперед и прижал ее к себе. Она всхлипнула, роняя слезы на его плечо.

- Может для нас еще не все кончено? - проговорила она. - И можно все начать сначала?

- На этот раз я тебя не упущу, - тихо сказал Эйвери.

Вдруг он замер, пораженный видением. Горело болото: мутная вода, тростник, кочки и корни. Пятно огня и черной гари ширилось и ширилось, вскоре оно охватило уже всю планету. Одинокая фигура, неестественно запрокинувшаяся среди обугленных стеблей, уходила вниз, уменьшалась, пока не превратилась в точку среди бушующего огня, захлестывающих ее своими языками.

Не было ни пространства, ни времени, ни каких границ... Предутренняя лазурная ширь. Весь мир еще покоился в холодном оцепенении, а чистый, юный, светло-хрустальный голос тихо-тихо пел... Вей прислушалась. Вот мелодия растет, поднимается, и, дойдя до самой высокой ноты, внезапно замирает, обрывается. Появляется другой голос, немного ниже, но в той же странной тональности. Теперь тихие голоса переплетаются, пока, наконец, не звучит последний восхитительный аккорд - и появляется бледное солнце.

Уже через мгновение Вей не могла сказать: снилась ли ей музыка или и вправду эта грустная планета встречает восход своего светила песней? Может, этим знаменуется последний ее день в мире живых? Кто знает...

Утренний туман постепенно рассеялся, тростник зашелестел под робким ветерком, заиграли крупные капли росы. Поеживаясь от холода, Вей принялась разминать затекшие ноги. Механик и Планетолог уже давно перекусили и собрались в путь, а Капитан все не показывался из своего спальника.

- Издох уже, что ли? - прошипел коротышка.

Почти ровной дугой на коричневатое небо напал темно-серый облачный фронт. Солнце вставало, и его лучи слегка золотили тучи, а по воде бежала сверкающая дорожка. Было безветренно, только издали доносился протяжный гул.

- Нет еще, - раздался через некоторое время хриплый голос, и показалось лицо Капитана, необыкновенно бледное, до синевы.

Он медленно встал и пошатнулся. Заглянув ему в глаза, она вдруг увидела такой ужас, что вздрогнула. Он отвернулся, рассеянно сложил рюкзак и поплелся за Планетологом по солнечной дорожке, в сторону восходившего светила.

Гул, слышимый до этого издали, приблизился, и в нем уже можно было различить глухие раскаты грома.

Тяжелые струи дождя били в лицо, почва под ногами колыхалась, воды между кочками было по колено даже Капитану. Он падал и поднимался беспрестанно, кричал, бранился, почти потерял рассудок. Оставив где-то тяжелый защитный костюм, человек был теперь в летном комбинезоне, уже совершенно промокшем и покрытом грязью.

Планетолог оглядывался на него с недоумением: яд был очень сильным, но, вероятно, недостаточно сильным для представителей человеческого рода. На коротком привале Капитан опять приложился к своей бутылке и теперь, не в силах больше метаться, замолчал.

Дождь все усиливался. Вечером встали на берегу озера - разрыва в торфяной поверхности, по каким-то причинам не зараставшего. Капитан все время сидел в стороне, обхватив длинными тонкими пальцами высокий лоб.

Стемнело стремительно. Устраиваясь на ночлег, Вей вдруг заметила рюкзак Капитана, валяющийся между кочками. Поддавшись внезапному порыву, она раскрыла его и, пошарив рукой, нашла злополучную бутылку с ядом. Размахнувшись изо всех сил, она зашвырнула ее далеко в озеро. В шуме дождя никто не услышал всплеска.

Дождь не кончился и на следующий день. Противоположный берег озера тонул в тумане.

Только вышли в путь, а Капитан уже начал отставать. Он все молчал, только стискивал зубы да сжимал кулаки. Но это не помогало. Наконец, как подкошенный, он со стоном рухнул в мелкую грязную лужу. Все остановились, но подошла к Капитану только Вей. Он судорожно хватался руками за горло, издавая нечленораздельные звуки, будто его душили.

Планетолог и Механик уже снова тронулись в путь, оставляя человека, который их привел сюда, подышать в вонючей луже.

- Пошли, - проговорил Механик, - а он все равно умрет. Плохой человек.

- Он убил твоего приятеля, - напомнил Планетолог.

- Я остаюсь, - вдруг сказала Вей.

Планетолог пожал плечами и пошел дальше, раздумывая о том, что для него платить добром за зло - так же невозможно, как гулять по воздуху, а вот у людей, по-видимому, нечто само собой разумеющееся.

- Мы скоро вернемся, - соврал Механик, и его громадная фигура исчезла за стеной дождя.

Капитан что-то бессвязно бормотал в бреду. Вей вдруг поняла, что осталась здесь, на гиблых болотах, без всякой надежды на чью-либо помощь.

Внезапно Капитан очнулся.

- Где все? - слабо спросил он.

- Пошли дальше.

Он бессильно застонал.

- Проклятие!

- Планетолог подсунул вам яд...

- Что?! - он попытался встать, но не смог.

- В вашей фляжке был яд.

- Просто яд! - на лице его вдруг появилась блаженная улыбка, и он облегченно вздохнул.

Вей решила, что он еще не осознает происходящее. Выживет ли этот человек? Словно отвечая на ее мысли, он пробормотал:

- Яд не трудно переварить. Как, говоришь, тебя зовут?

- Вей Ридер. А ваше имя?..

- У меня нет имени, - проговорил он мрачно.

- У каждого человека есть имя.

- Тогда - Михаил Говоров, - в бреду он назвал родовое имя своей бабки.

Она покачала головой.

- Не верите?

- На свете осталось только двое Говоровых и обоих я знаю, - грустно ответила она.

- Вернулся? На совсем? Учиться? - сыпалось на него со всех сторон.

- Конечно! - как ни в чем ни бывало ответил Майкл.

Жизнь на Заминдаре была, мягко говоря, веселая, и в былые времена мудрая Ксенька, выходя из себя после очередной проделки Майкла, Жана и Бена, будь то срыв ненавистного семинара по философии путем вывода из строя энергостанции университета (Миша был всегда силен в электронике) или безумная вечеринка в честь чьих-либо именин, часто восклицала: “Братцы, так же нельзя”! На что ей неизменно отвечали: “Еще и не так лъзя”! С тех пор, как Майкл исчез, они давно уже так не веселились.

Жан взглянул на часы и забавно хлопнул себя по лбу.

- Через пол часа чемпионат по кью между 843 и 812 школами! Ноги в руки!

Кьюбол - игра в мяч в зале без гравитации. По мнению Ксюхи, играть в него могли только самоубийцы, но братья были страстными болельщиками и игроками. И сейчас, естественно, все четверо быстро собрались и пошли на матч, по дороге болтая и смеясь. Они снова были вместе, и жизнь лежала впереди ясная и светлая, как весенний зеленый луг. По крайней мере, для троих из них.